

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ПОПОВ ГРИГОРИЙ ГЕРМАНОВИЧ,

к.э.н., доцент кафедры

экономической теории Московского государственного

областного университета, старший преподаватель

Российского государственного гуманитарного университета

В статье рассматриваются различные мнения по поводу различий исторического развития России и Запада. Описаны основные отличия средневековой Руси от «латинской» Европы. Анализируется характер монгольского влияния на трансформацию русского общества в средние века.

Ключевые слова: монгольское влияние, город, феодализм, вече, религия

Коды классификатора JEL: B52, N40. Z13.

Подходы к проблеме идентичности русской цивилизации

После холодной войны мир вступил, как определил С. Хантингтон, в период противостояния и взаимодействия цивилизаций. Таким образом, от идеологического деления мировое сообщество перешло к разделению и группированию наций по цивилизационному признаку. На первый план во внутренней и внешней политике выходит самоидентификация нации как части какой-либо цивилизации.

Россия до сих пор четко не идентифицирована как цивилизация – не выделены конкретные признаки, по которым мы можем судить, относится ли, допустим, Россия к европейской цивилизации или является отдельной цивилизацией. Рассуждения ряда авторов о том, что русские отличаются от западных европейцев повышенной степенью коллективизма, имеют под собой основания, но не может считаться основополагающим признаком идентификации России как особой цивилизации в какой-либо промежуток исторического развития. Ведь высокий уровень конформизма и коллективизма обнаруживается на разных этапах истории не только у россиян, но и у шведов, испанцев, французов и многих других европейских наций.

В связи со сложностью выделения идентифицирующих признаков российской/русской цивилизации трудно определить и ее границы. Например, Самуэль Хантингтон провел «разлом» между Русской и Западной цивилизациями по границам соприкосновения западной христианской и православной церковью (Хантингтон 2007, 244-246). Таким образом, к Западу им были отнесены республики Балтии, западная часть Белоруссии, Западная Украина. За пределами геополитического понимания Восточной Европы оказались Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и те же республики Балтии; в Восточной Европе оказались православные Сербия, Румыния и Болгария. Данная схема деления Европы по религиозному признаку прочно легла в политику Евросоюза и в ментальные представления большинства современных европейцев.

Можно встретить суждения, что православная Восточная Европа ментально тяготеет к авторитаризму и нерыночной экономике, а Западная Европа (уже западная христианская общность культур) – к демократии и рыночной экономике. Тем самым, ключевым фактором, идентифицирующим русскую и другие цивилизации, является, по Хантингтону, религия, которая еще в средние века сформировала сознание и ментальные схемы поведения. Одной из характерных черт русской цивилизации Хантингтон называет сохраняющееся более 700 лет влияние монгольского завоевания, что делает Россию еще и евразийской (в геополитическом смысле) страной.

Сторонниками деления мира на цивилизации по религиозному признаку не обращается внимания на то, что внутри каждой цивилизации существует различий не меньше, нежели между ними. Например, отнесенная к Восточной Европе Румыния куда больше тяготеет к Евросоюзу и политически, и экономически, и культурно, нежели наполовину ка-

толическая Белоруссия. К тому же многими авторами не даются комплексные дефиниции, почему Россия пошла по иному, институциональному пути развития, нежели Запад.

С некоторой долей условности мнения по поводу различий исторического развития России и Запада можно свести к следующим трем группам.

1. Согласно первой группе мнений, географически Россия – это равнинная страна, не имеющая прямого выхода к Атлантическому океану и обладающая особым климатом (жаркое лето и длинная холодная зима). Поэтому она имеет особый характер развития, при котором главную функцию в строительстве институтов всегда выполняло государство. К сторонникам этой группы мнений относятся Павел Милюков, вся школа евразийцев, частично Э.С. Кульпин, ранний Л.Н. Гумилев, Ричард Пайпс и ряд других исследователей. Условно эту группу мнений можно назвать «школой географического детерминизма».

2. Вторая группа мнений отталкивается от фактора монгольского завоевания. Толкование последствий воздействия этого фактора может быть у различных авторов двояким: евразийцы видят в России симбиоз славянского и туранского начал, что предопределило, по их мнению, особую судьбу русского народа (положительную во всех отношениях); западники рассматривали монгольское иго как главную причину отклонения России от «нормального» развития (Карамзин, А.С. Пушкин, Чаадаев, Костомаров и другие).

3. Третья группа мнений (условно назовем ее «школой варварской периферии») исходит из того, что Россия изначально отставала от Запада в силу своего периферийного по отношению к античной цивилизации положения (Э.С. Кульпин, Лебедев, С. Хантингтон, частично Р. Пайпс, С.А. Нефедов и другие).

Каждой из этих «школ» можно веско возразить.

Равнинный характер территории почему-то не сделал Польшу евразийской державой – эта страна развивалась всегда по чисто европейским законам. Изрезанный горными хребтами и реками Китай, напротив, обнаружил повышенный коллективизм в общественной организации и бюрократизм государственного устройства, а степные народы Евразии обладали на протяжении всей своей истории склонностью к центробежным тенденциям, объединяясь только в условиях серьезной внешней опасности или внутреннего демографического давления.

Монгольское завоевание действительно отразилось на организации Руси в позднее средневековье, на ее культуре и политической ментальности населения. Однако импорт институтов Русью из Азии в монгольский период остается до сих пор спорным вопросом. В исторической литературе нет даже однозначной оценки характера монгольского завоевания и его изначальных причин.

Школа «варварской периферии» наиболее уязвима. Дело в том, что славяне установили контакт с прямой наследницей античной цивилизации, Византией, еще в V–VI вв. Западная Европа вплоть до крестовых походов находилась в состоянии «дикого» варварства. Византийцы продолжали тогда (и вполне справедливо) считать франков, англосаксов и других германцев теми же сами варварами, какими они были в момент вторжения в пределы Римской империи. Первый университет в Европе появился в конце XI в. в Болонье. Грамотность среди западных европейцев была распространена крайне слабо – даже некоторые короли и епископы ею не владели, не говоря уже об основной массе населения. Словом, никакой просвещенной Европы до эпохи разгара крестовых походов (XII–XIII вв.) не существовало. Русь же была соседом культурной Византии, пусть и являясь молодым обществом.

Во время крестовых походов западные европейцы столкнулись с развитыми цивилизациями Византии и арабского Востока, благодаря им они познакомились с забытой со времен разгрома Рима гигиеной. Главное, в Европу произошел приток восточных товаров и золота, что способствовало росту итальянских городов и предопределило возникновение Ренессанса.

Русь действительно оказалась вне круга непосредственного влияния культуры Возрождения, но она тесно контактировала с Византией, которая была в числе средиземноморских культур и оказывала вплоть до XV в. сильное философское воздействие на Италию. Однако византийское наследие было взято русскими лишь частично, оно не пустило глубокие корни в Московском государстве.

Базовые отличия средневековой Руси от «латинской» Европы

Уникальность Руси, если сравнивать ее с Западной Европой, заключается в отсутствии у русского общества сословий вплоть до XVI в. Стратификация русского общества шла по экономическому признаку, в этом смысле Русь средних веков чем-то напоминала античные социумы.

Другим отличием Руси от Запада является сущность ее городских центров: большинство из них – базы аграрной колонизации. Поэтому городское и сельское население в Киевской Руси не различалось в правовом смысле, да и само юридическое понятие «город» отсутствовало. Города управлялись вечем, собранием всех свободных мужчин округи, куда входил сам город и пригороды. Под городом русские в средние века понимали любую обнесенную оградой территорию, даже сцепленные между собой повозки в древнерусских документах иногда обозначаются городом.

Таким образом, в Киевской Руси не было феодализма, поскольку мы не находим в древнерусском обществе ни одного из его признаков, включая вассалитет, службу с земли и сословную организацию. Переход из одного общественного состояния в другое на Руси еще при монголах был достаточно упрощен, поэтому боярином мог стать даже крестьянин. Такую свободу смены социального статуса мы можем найти только в очень ранних романо-германских обществах (например, во Франции эпохи Меровингов).

Хозяйственный уклад Киевской Руси никак нельзя отнести к феодальному. В боярских и княжеских усадьбах широко применялся труд рабов, что даже позволило некоторым историкам советского времени отнести древнерусское общество к числу рабовладельческих. Цехов и гильдий в русских городах так и не возникло, хотя их подобие попытались создать в XVIII в. Петр I и Екатерина II. Города-республики Новгород и Псков можно считать просто разросшимися центрами славянской колонизации, которые сохранили «республиканский» статус в монгольский период преимущественно в силу своей географической труднодоступности для княжеских дружин и ордынских вспомогательных отрядов. Вплоть до реформ Петра I на Руси так и не возникло городского населения в юридическом смысле этого слова.

Вече хоть и роднит Русь с романо-германской Европой, однако в нем нельзя усматривать аналогий с итальянскими и испанскими муниципальными собраниями и французскими Генеральными штатами. У русского веча не было ни регулярности собраний, ни постоянных представительных органов. Вече – это анахронизм, пришедший на Русь из индоевропейского прошлого предков славян, элемент военной демократии. Решения вечевых собраний игнорировались князьями еще в киевский период, а при монгольских завоевателях они значительно урезали полномочия веча, а затем и просто его упразднили.

Феодализация Руси происходит в монгольский период. Она охватила преимущественно Московское княжество, куда переехало из Орды на службу к князю много татар, которые принесли с собой особый восточный феодализм, основанный на тюркском институте тарханничества. Тархан также подразумевал гибкость феодальной структуры общества. Тарханниками в улусах Чингизидов зачастую становились незнатные люди, просто отличившиеся на службе перед своим ханом. Восточный феодализм не нес в себе демократических институтов, как это было в случае с польско-литовским феодализмом в Западной Руси. Тарханник обязался служить с земли своему сюзерену, но при этом хан или великий князь имел практически неограниченные права. Правда, у Чингизидов ограничителем ханской власти выступал курултай, а также исламское духовенство, но постепенно роль курултаев сошла на нет, и к XVI в. они исчезают из политической жизни большинства тюрко-монгольских государственных образований.

Важной особенностью русского исторического процесса является то, что феодализация русского общества почти совпала по времени с процессом образования централизованного Русского государства. Восточная модель феодализма позволила московским князьям мобилизовать крупные военные силы в противовес державшимся за русскую старину другим землям. Однако главную роль здесь сыграла даже не феодализация на «восточный» манер, а принятие православной церковью стороны Москвы. Как полагал Костомаров, именно религиозный фактор в сочетании с ордынской помощью позволили Москве возвыситься над остальными русскими государствами.

На Западе, напротив, феодализация совпала по времени с политической раздробленностью. Раздробленность даже стала рассматриваться историками как необходимый признак феодализма, что, в общем-то, является ошибкой (отнюдь не вся латинская Европа переживала

период политической раздробленности, например, в Англии и Швеции таковой не существовало). Советские историки, следуя аксиомам классической европейской историографии, увидели в распаде Киевской Руси главный признак феодализма, что нашло отражение практически во всех советских учебниках истории России. Разделение государства на множество мелких независимых образований никак не мыслилось представителям мейнстрима советской исторической науки как нечто иное, нежели наступление периода феодальной раздробленности.

Вместе с тем, мало кто обратил внимание на тот факт, что углубление феодализации Западной Европы приходится на эпоху Карла Великого, когда делалась попытка реанимировать Римскую империю. Король франков Карл даже пошел на рискованный политический шаг, приняв императорский титул, поскольку единственным юридическим приемником Рима была Византийская империя. Образование на исходе средневековья Испанской империи с мощным бюрократическим аппаратом уже централизованного государства также не привело к быстрому разложению феодализма на Пиренеях; сильная королевская власть в Испании, напротив, была поддержана феодальной верхушкой.

Вызов монархии бросили только германские и французские феодалы. В первом случае это было связано с религиозным и национальным вопросами: немцы не хотели видеть у себя правителем испанца и католика, а затем слабая императорская власть стала уже традицией (правда, в Австрии германские императоры не были столь ограничены в правах и пользовались всесторонней поддержкой феодальной знати). Во Франции препятствием централизации стало наследие Столетней войны и отсутствие среди французов национального единства – вплоть до начала XIX в. 80% французов не знали литературного французского языка, а половина населения этой страны говорила на немецком, итальянском или на особых местных языках, причисленных позднее к диалектам. Поэтому централизация во Франции совпала с борьбой королевской власти с баронами, что в итоге стало одной из главных причин дефеодализации французского общества, однако этот процесс растянулся на почти три века.

В Англии, напротив, королевская власть опиралась на баронов, политической раздробленности не существовало. Англосаксы всегда группировались вокруг своего короля. Институт монархии в британском обществе почитаем даже в наши дни.

В Польше процесс централизации государства совпал с наступлением королевской власти на права крупных феодалов. Однако с феодализмом в этой стране так и не было покончено почти до новейшего времени.

Русь в удельный период являет собой своеобразное для Европы образование. В нем не было фактически никакого политического единства. Единая Киевская Русь де-факто прекратила свое существование со смертью Владимира Мономаха. Попытка консолидации русских земель, предпринятая Юрием Долгоруким, только углубила раскол в древнерусском обществе. К XIII в. на Руси не было никакого единого центра власти, пусть даже имевшего минимальные полномочия. В Западной Европе мы видим несколько центров политической и моральной консолидации, это – институты императорской, королевской и папской властей. На Руси авторитет духовной власти в лице митрополита и патриарха был изначально слабым. Он стал повышаться лишь в монгольский период, когда князья были вынуждены считаться с митрополитом и епископами, имевшими практически равный с ними статус в рамках правовой системы государств Чингизидов, и приобрел высокое значение только при первых Романовых, что в итоге привело к религиозному расколу.

Власть великого князя хоть и приобрела реальное значение для удельных властителей, но всегда опиралась на ордынскую военную помощь. Как заметил Костомаров, только монгольские вспомогательные отряды заставляли русские земли слушаться великого князя, за счет чего, собственно, и произошло возвышение Москвы. Отказавшийся от помощи монгольских войск Михаил Александрович Тверской так и не был допущен на великокняжеский стол во Владимире, хотя этот князь имел на руках ханский ярлык.

Таким образом, консолидирующей русские земли силой стала в монгольский период связка Сарай–Москва. Именно на этот аспект обратили внимание евразийцы, обосновывая свою концепцию азиатского происхождения Московского государства (Вернадский 1927). Не будь этой связки, Москва не получила бы военной помощи от татар и никогда не смогла бы одолеть своевольных удельных князей. Вероятнее всего, ей тогда суждено было бы разделить участь Западной Руси, оказавшейся в составе Литовского государства.

В отличие от «латинской» Европы, Московская Русь, как полагал М.К. Любавский, шла по пути поглощения одним государством других государств, в то время как в соседнем Литовском государстве имела место федерация (Любавский 2004, 66-73). На федеральных началах

образовывались и другие западноевропейские государства, кроме того, суверенитет монархии там был существенно ограничен. В Москве установился принцип абсолютного суверенитета монархии. Это соответствовало политической ментальности населения Восточной Руси, для которого царская власть была неприкасаемой, что было одним из главных наследий монгольского периода. В 1382 г. удельные князья отказались защищать Москву от орды Тохтамыша, потому что тот был природный царь, то есть Чингизид (Данилевский 2001, 306). Московские князья запрещали в церквях молиться за здоровье византийского императора, но не были против молитвы за здоровье хана.

Поскольку власть хана была абсолютно суверенной над Русью, то и власть московского князя, принявшего титул царя, приобрела такое же значение. Привлечение татар на московскую службу также способствовало укреплению абсолютного суверенитета царской власти, Иван Грозный специально окружил себя татарами и черкесами, которые в отличие от своевольных русских бояр (преимущественно выходцев из «демократичной» Литвы) куда более были склонны к уважению именно такой формы монархии, когда царь имеет право практически на все. Как заметил Ричард Пайпс, аналогом русской монархии может быть только власть султанов в Османской империи (Пайпс 2004, 110-114).

Сравнение Р. Пайпса интересно, если сопоставить его с некоторыми фактами истории России и Турции. В обеих странах в XVII–XVIII вв. очень большое политическое значение имела воинская гвардия. Замена Петром I стрельцов Преображенским и Семеновским полками не решило проблему угрозы военных переворотов, поскольку новые элитные подразделения вскоре после смерти великого реформатора осознали свою высокую роль в политической системе империи. Реформаторские начала, как и в Турции, в Российской империи долгое время исходили от военной элиты, что закончилось событиями на Сенатской площади. Султаны Османской империи опирались на корпус янычар, русские монархи XVIII в. – на гвардию. Этот принцип характерен для стран, где имеет место слабое развитие парламентаризма и сословных сознания и представительства.

Монгольское влияние на Русь (взгляд евразийцев)

Выше нами уже был отмечен ключевой характер монгольского влияния на трансформацию русского общества в средние века. Однако монгольская, или татарская, тема в отечественной историографии остается до сих пор полем серьезных дискуссий¹. В до- и постреволюционной историографии тоже не было однозначной оценки монгольского фактора в русской истории. Рассмотрим несколько мнений историков, так или иначе придерживавшихся «евразийского» взгляда на данную проблему.

Начнем с Николая Ивановича Костомарова, который первый громко сказал о тюрко-монгольском влиянии на Восточную Русь.

В работах Н.И. Костомарова виден серьезный отход от почти всегда положительной оценки московских князей в монгольский период, которая давалась историками из академических кругов. Причиной возвышения Москвы Костомаров считал поддержку ее князей Золотой Ордой. Но этим, по Костомарову, не ограничиваются последствия влияния монгольских завоевателей на ход русской истории. Согласно его мнению, именно *монголы дали Восточной Руси тот строй, который был близок западному феодализму*. Костомаров пишет по вопросу генезиса русского феодализма в монгольский период: «Татарское порабощение образовало между русскими княжениями такой строй, который несколько походил на феодальный, господствовавший в Западной Европе: князья, получившие свои владения от ханов в качестве вотчин, находились в подчинении одни другим, и само это подчинение, смотря по обстоятельствам, имело разные степени» (Костомаров 2007, 234).

По Костомарову, феодализм в Восточной Руси происходит от ханских пожалований, а княжеская вотчина выступает в роли пожалованного владения. Но этим «русский феодализм» (сам Костомаров не признавал этого термина полностью применительно к истории Руси), собственно, и ограничивается. В понимании Костомарова, он имеет вид некоей политической надстройки, регулировавшей в основном отношения между князьями.

Монгольская политическая сила оставалась, по Костомарову, долгое время ключевым фактором возвышения Москвы. В этой связи примечателен приводимый им факт из времен правления отца Ивана III – Василия II. В 1460 г. Василий II с двумя своими сыновьями явился в Новгород. Новгородцы ненавидели тогда московских князей за недавнее поражение от войск

¹ См.: Россия и степной мир Евразии: Очерки. Под ред. Ю.В. Кривошеева. - СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2006.

царевича Ивана – будущего Ивана III. В результате этого поражения новгородцы фактически лишились полной независимости и оказались в роли вассала у Москвы. В 1460 г. новгородцы решили убить Василия II и прибывших с ним его сыновей, но от этого поступка их отговорил новгородский епископ Иона, приведя следующий аргумент: «Из этого нам не будет пользы, останется еще один сын, старший, Иван: он выпросит у хана войско и разорит нас» (Костомаров 2007, 239). Это высказывание Ионы означает, что новгородцы больше боялись не Москву, а стоящую за ней Орду.

Очень важной является мысль Костомарова, что политика ханов Золотой Орды придала власти Великому князю реальное политическое значение. На исходе киевского периода Великий князь был фигурой номинальной. Еще долго удельные князья будут тянуть развитие русских земель к старине, когда фактически реальной верховной власти вообще не было. Однако в интересах Орды, как показывает Костомаров, было сотрудничество с одним главным князем, нежели со множеством своевольных независимых князей. Здесь-то и надо искать корни генезиса единой монархии в Восточной Руси.

В начале XIV в. дошло до того, что междоусобные конфликты на Руси стали происходить в основном после получения одной из воюющих сторон санкции золотоордынского хана (как это было, в частности, в конфликтах Твери и Москвы). Этот пример, приведенный у Костомарова, наглядно демонстрирует нам конституирующую роль монгольских завоевателей в истории Восточной Руси.

Таким образом, согласно Костомарову, монгольское влияние на развитие русского исторического процесса является ключевым в аспекте упорядочения отношений между князьями через установление системы вассальной зависимости в их среде, что в свою очередь повлияло на консолидацию русских земель вокруг Москвы.

Обратимся теперь к концепции Георгия Вернадского о влиянии монголов на Русь.

Вернадский придерживался мысли, что трансформация Русского государства произошла под воздействием в первую очередь экономических последствий монгольской агрессии XIII в., когда в результате разрушения городских центров была сильно нарушена привычная хозяйственная система Древней Руси, для которой было характерно экономическое главенство города. Князья и бояре были вынуждены заводить свои маноры и начали более тяготеть к земле, поскольку торговля и ремесло, а также доходы от них (включая даннические платежи) резко сократились в общем хозяйственном укладе Руси после монгольского нашествия 1237–1240 гг. Манор стал основой нового хозяйственного уклада русских земель, и сама Москва в монгольский период была ни чем иным, по Вернадскому, как манором Великого князя. Роль городского веча, как и экономическое значение городов, резко упали.

Как считает Г. Вернадский, бояре не смогли полностью воспользоваться ситуацией и укрепить свое влияние в новых условиях, поскольку опасались монголов, которые однозначно занимали сторону князя в его внутренних конфликтах, и остатков городского населения. Таким образом, по Вернадскому, из трех главных сил средневекового общества (горожане, земельная аристократия, монархия) гипертрофированную власть получил монарх. Горожане рассматривали князя как консолидирующую силу в будущей борьбе с монгольскими завоевателями, поэтому они занимали его сторону в случае противостояния с боярами. По Вернадскому, получается, что боярство находилось в скованном положении: снизу в своем стремлении к расширению власти и влияния оно было сдерживаемо горожанами, сверху – ханской властью.

Разгром городов монголами, по Вернадскому, привел к снижению значения городского ополчения и росту, соответственно, роли боярских отрядов. К тому же, дружины перестали играть серьезную роль в организации обороны Восточной Руси. Их место заняли, по Вернадскому, княжеские дворяне, набравшие преимущественно из числа княжеских рабов или полурабов. Вотчины бояр и князей постепенно стали приобретать значение экономической основы новой военной организации Восточной Руси. Потребность в постоянных верных войсках заставила Великого князя ограничить переход бояр, а затем и попросту упразднить таковой, что произошло уже в постмонгольский период.

О непосредственном импорте восточных институтов Георгий Вернадский высказывается осторожно. Он особо выделяет следующие заимствования: смертная казнь и телесные наказания, которых не знала «Русская правда», административно организованная система налогообложения, институт казначейства, система княжеской администрации (так называемые «пути»), структура княжеского войска (разделение на полки, введение должности окольного и т.д.), призыв на воинскую службу сельского населения (Вернадский, 362-374).

Хотя Вернадский крайне редко употребляет термин «феодализм» в отношении истории Руси монгольского периода, тем не менее, из его системы взглядов на проблему монгольского влияния на трансформацию русского общества в средние века следует, что импорт новой военной организации способствовал появлению принципа службы с земли, или условного землевладения – главного признака феодализма. В первую очередь условное землевладение распространялось на «слуг дворских» (так в монгольский период называли дворян), затем (уже после освобождения от монгольского владычества) оно было применено и к боярам. Но все-таки, по мысли Вернадского, институт службы с земли созрел внутри русского общества, а не был полностью импортирован на русскую почву из Орды.

Интересно мнение другого евразийца – Э. Хара-Давана. Хотя в своих выводах о последствиях монгольского завоевания он сделал большой акцент на культурном влиянии Востока на Русь, ряд выдвинутых им тезисов требует уточнения.

Взгляд Хара-Давана на проблему последствий монгольского владычества над Восточной Русью четко выражен следующим образом: «До прихода монголов многочисленные русские княжества варяжского происхождения, расположенные в бассейнах рек, впадающих в Балтийское и Черное моря, и только в теории признававшие власть над собой Киевского Великого князя, фактически не составляли одного государства, а к населявшим их племенам славянского происхождения неприменимо название единого русского народа.

Под влиянием монгольского владычества эти княжества и племена были слиты воедино, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю. [...]

Организация России, явившаяся результатом монгольского ига, была предпринята азиатскими завоевателями, разумеется, не для блага русского народа и не ради возвеличения Московского великого княжества, а ввиду собственных интересов, а именно для удобства управления покоренной обширной страной. Они не могли допустить в ней обилия мелких владетелей, живущих на счет народа, и хаоса их нескончаемых распрей, подрывавших экономическое благосостояние подданных и лишавших страну безопасности сообщений, а потому, естественно, поощряли образование сильной власти Московского Великого князя, которая могла бы держать в повиновении и постепенно поглощать удельные княжества. Этот принцип создания единовластия, по справедливости, казался им для данного случая более целесообразным, чем хорошо известное им и испытанное на себе китайское правило: «разделяй и властвуй». Таким образом, монголы приступили к собиранию, к организации Руси, подобно своему государству, ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния.

В результате такой политики монголов, всюду вводивших установленные еще при Чингисхане порядки, они дали покоренной им стране основные элементы будущей московской государственности: самодержавие (ханат), централизм, крепостничество. Равным образом, исходя из задач административного и финансового управления, они занялись организацией почтовых трактов, установили ямскую повинность населения, улучшив этими мерами условия сообщений на обширных пространствах Восточно-Европейской равнины, произвели общую перепись населения в фискальных целях, ввели однообразное военно-административное устройство и податное обложение по принятой у них десятичной системе, а также установили общую для всех русских областей монету – серебряный рубль, разделенный на 216 копеек» (Хара-Даван).

Изложенные идеи Хара-Давана согласуются с тем, что выразил по вопросу последствий монгольского завоевания для Руси Г.В. Вернадский. Но мысль Хара-Давана идет дальше.

В отношениях между князьями монголы установили, по Хара-Давану, что-то похожее на административную иерархию, что подготовило почву для становления централизованного государства. И сам русский народ, как единый и вполне определенный в историко-географическом пространстве, этнос обязан своим происхождением монгольскому владычеству. Действительно, если бы, допустим, жителю Чернигова XI в. сказали бы, что он – представитель древнерусской народности, он очень удивился бы, – в этом смысле Хара-Даван прав.

Концептуальная идея Хара-Давана, что монголы дали Руси крепостничество, интересна в том отношении, что, получается, одна из главных предпосылок феодализма – крепостная зависимость крестьян – пришла на Русь с Востока. Да, зависимые слои крестьянства были и в Киевской Руси, но они существовали локально (преимущественно – в Юго-Западной Руси и в Новгородской республике), к тому же они находились в основном в экономической зависимости от бояр или от князя. Кроме того, статус самого многочисленного слоя зависимых крестьян, смердов, был достаточно расплывчат; их зависимость от князя являлась, скорее всего, номинальной. Тотальное закрепощение крестьянства и даже городского населения пришло с Востока, где оно широко практиковалось.

Работавший над проблемой взаимоотношений Руси и монголов примерно в то же время, что Вернадский и Хара-Даван, советский историк А.Н. Насонов на основе летописных данных пришел к несколько иным выводам.

По его мнению, монгольское завоевание нанесло удар главным образом по Владимиру, Суздалью, Рязани и Киеву, слабо затронув Верхнее Поволжье, Новгород и Смоленск, а также все западные русские земли. Опираясь на летописные сведения об антимонольских восстаниях в Ростове и Ярославле, Насонов пришел к выводу, что вечевые традиции и политическая сила городов в Северо-Восточной Руси, по сравнению с киевским периодом, несколько не изменились. Однако к середине – концу XIV в. с вечевыми традициями в Ростово-Суздальской Руси было почти покончено, и главную роль здесь сыграли татары, для которых русский город с его вечевыми традициями стал главным препятствием для полного подчинения Северо-Восточной Руси. Главным следствием завоевания Насонов считает распад Руси на несколько самостоятельных областей, рост антагонизма между севером и югом, то есть между, условно говоря, Киевщиной и Ростово-Суздальской Русью. Примерно к такому же выводу о главном следствии монгольского нашествия на Русь пришел Джон Феннел в своей знаменитой работе «Кризис средневековой Руси» (Феннел).

Город, по Насонову, продолжал оставаться на протяжении всего XIII в. и первой половины XIV в. объектом политических устремлений князей. Это означает, что социально-экономическое развитие Северо-Восточной Руси вследствие монгольского завоевания не претерпело существенных революционных изменений. Как и Георгий Вернадский, Насонов был убежден, что усиление княжеской власти в Северо-Восточной Руси произошло из-за монгольского вмешательства. Ордынцы, по его мнению, поддерживали князей против городского вече, чтобы подавить последнее. Боярство, по мнению Насонова, не играло в XIII-XIV вв. еще самостоятельной роли, чтобы говорить о нем как о значительной политической силе в Северо-Восточной Руси (Насонов 2006, 259-260). В исследовании Насоновым положения боярства в монгольский период обращает на себя внимание весьма интересная деталь: нередко хан обязывал русских бояр служить князю, то есть, устанавливал *обязательность боярской службы конкретному князю* (Насонов 2006, 266). Это замечание А.Н. Насонова очень важно, поскольку мы знаем, что до монголов боярин на Руси был лицом независимым. Однако и при монголах процесс превращения бояр в служилое сословие только начинался.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно сказать следующее: средневековая Русь отличалась от «латинского» Запада уже изначально в силу нефеодалного характера своей государственности. Ответ на вопрос, какой же строй существовал в Древнерусском государстве, пока дать довольно сложно.

Феодалные институты на Руси стали складываться под воздействием монгольского фактора. Под его же влиянием сложилась и особая русская монархия, имевшая аналогии прежде всего на Востоке. Здесь Русь кардинально разошлась с Западом. Важной особенностью средневековой Руси является ее поздний и колонизационный, по своей сути, характер развития. Если провести аналогии со средневековой Францией, Московское государство сильно напоминает Францию Мероингов в том, что касается непосредственно чисто дворцового характера ее высших государственных институтов.

Освоение славянами будущей территории Киевской Руси началось в V в., когда племена германцев прочно обосновались в пределах Римской империи и начался симбиоз германской и романской культур, возникли первые варварские королевства. Русское государство образуется на 300–400 лет позже германских королевств. Первые русские летописи появляются также на 300–400 лет позже, чем у франков и других германских народов.

Таким образом, Русь взяла старт в более позднюю эпоху, нежели романо-германский мир. Но это не значит, что русское общество во всем четко повторяло Запад в своем историческом развитии с опозданием в 300–400 лет. Сам факт освоения обширного месторазвития с нуля (германцы, в отличие от славян, в Западной Европе пришли на уже освоенные территории) привел к появлению в русском обществе в раннем средневековье особых потребностей и обострению традиционных социальных потребностей, среди которых следует особо отметить повышенную потребность в консолидации общества. Это привело к модели социально-экономического развития, основанной на административном принуждении.

Изначально варварский характер общественных институтов заставлял русских в средние века многое заимствовать в основном с Востока, а затем (со времен Петровских реформ)

с Запада. Поздний старт исторического развития и слишком неосвоенное и обширное пространство территории не оставляли восточным славянам времени на выработку своих, особых базовых институтов. Поэтому Русь находилась в кругу других цивилизаций, перерабатывая их ценности.

ЛИТЕРАТУРА

- Вернадский Г.В. Монголы и Русь. - М.: Леан Аграф.
- Вернадский Г.В. (1927). Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. - Париж.
- Данилевский И.Н. (2001). Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV в.в.): Курс лекций. - М.: Аспект Пресс.
- Костомаров Н.И. (2007). Господство дома Св. Владимира. - М.: ООО «Фирма СТД».
- Любавский М.К. (2004). Очерк истории Литовско-Русского государства. - СПб.: «Наука».
- Насонов А.Н. (2006). Монголы и Русь. - СПб.: «Наука».
- Пайпс Р. (2004). Россия при старом режиме. - М.: Захаров.
- Россия и степной мир Евразии: Очерки. Под ред. Ю.В. Кривошеева. - СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2006.
- Феннел Д. Кризис средневековой Руси.
- Хантингтон С. (2007). Столкновение цивилизаций. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА.
- Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие // Сайт последователей Л.Н. Гумилева (<http://gumilevica.kulichki.net/HD/index.html>)